

№ 1. 3. 24.

РЕЛИГИОЗНОЕ, ОБЩЕСТВЕННОЕ

И

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

ЕВРЕЕВЪ

ВО ВРЕМЯ СУДЕЙ.

Иванъ Троицкій,

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1885.

м. д. н.

Printed in Russia

128 165

АЛЕКСАНДР
УДОВИЧЕНКО
УЧЕНИКЪ

Печатать дозволяется; 4 Октября 1884 года.
Арсеній, Епископъ Ладонскій, Ректоръ Академіи.

893,19
Т746

СОДЕРЖАНІЕ

ВВЕДЕНИЕ. Значеніе эпохи Судей, какъ предмета научнаго изслѣдованія (1—5); источники для изученія эпохи Судей и ихъ достовѣрность (5—26): цѣльность, неповрежденность и объективное значеніе разсказовъ о лицахъ и событіяхъ изъ времени Судей (26—29).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Условія, при которыхъ складывалась и развивалась жизнь евреевъ послѣ поселенія ихъ въ Палестинѣ: географическое положеніе и физическій характеръ страны; характеръ самаго народа; вліяніе сосѣднихъ народовъ и дѣйствіе Промысла Божія (29—34). Названіе, положеніе, геологическое устройство и физическое богатство Палестины; вліяніе этого рода условій на жизнь ея обитателей (35—43). Народы, населявшіе Палестину въ древнѣйшій періодъ ея исторіи, до ханаанскихъ племенъ (43—47). Ханаанскія племена и Авраамъ въ Палестинѣ. Причина движенія ханаанскихъ племенъ. Давленіе, произведенное ими на прежнихъ обитателей Палестины. Гиксы въ Египтѣ (47—49). Государства, основанныя ханаанскими племенами—финикійцами и хеттеями. Краткая исторія послѣднихъ (49—55). Амореи (55—56). Происхожденіе, характеръ, продолжительность власти гиксовъ въ Египтѣ. Переселеніе евреевъ въ Египетъ при гиксахъ (56—64). Изгнаніе гиксовъ изъ Египта и давленіе ихъ на народы Западной Азіи (64—66). Новая племена на сценѣ исторіи послѣ изгнанія гиксовъ: а) идумены (66—67); б) филистимляне (67—76); в) моавитяне и аммонитяне (76—78).

ГЛАВА ВТОРАЯ. Культура народовъ, населявшихъ Палестину до поселенія въ ней евреевъ (78—79). Религія этихъ народовъ. Источники свѣдѣній о ней. Космогонія Санхоніатона (79—82). Содержаніе и смыслъ Санхоніатовою космогоніи (82—92). Психологическія, физическія и историческія условія образованія религіознаго міровоззрѣнія сирійцевъ; его сидерическій характеръ и отличіе отъ аккадскаго (92—98). Характеристика религіозныхъ представленій и культовъ сирійскихъ народовъ (98—102). Божескія имена у сирійцевъ; смыслъ этихъ именъ (102—105). Культы Адониса, Талмуза, Ваалфегора, Ашеры, Деркетто и Дагона (105—109). Культы Молоха и Астарты (110—114). Соединеніе противоположныхъ представленій Вааль-Адониса и Вааль-Молоха, Ашеры и Астарты. Явившіеся изъ этого соединенія символы и культы. Культъ финикійскаго Вааль-Мелькарта и Астарты (115—124). Кабиры, какъ посредники между богами и людьми (124—125). Теургія и мантика у древнихъ сирійцевъ. Евocatio и терафимы (125—130). Вѣра въ безсмертіе души и вызываніе душъ умершихъ (130—133). Заклинаніе злыхъ духовъ, въ связи съ вопросомъ о представленіи ихъ; заклинаніе болѣзней (133—137). Гаданія у сирійцевъ (137—145). Общее замѣчаніе о гаданіяхъ и пророчествахъ у сирійцевъ; ихъ смыслъ и вредное вліяніе на культурную жизнь этихъ народовъ (145—149).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Движеніе евреевъ изъ Египта. Моисеево законодательство и происхожденіе его (149—165). Поселеніе евреевъ въ Палестинѣ и изгнаніе хананеевъ (165—167).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Раздѣленіе Палестины, политическое, гражданское и социальное устройство евреевъ въ эпоху Судей (167—172). Политическое раздѣленіе евреевъ; группы колѣнъ; жизнь и значеніе каждой изъ нихъ (172—180). Измѣна религін и закону, какъ одна изъ главныхъ причинъ раздѣленія. Беззаконіе евреевъ въ эпоху Судей и увлеченіе ханаанскими культами (181—187). Идолопоклонство въ несобственномъ смыслѣ и причина его (187—191). Блюстители Моисеева закона, состояніе ветхозавѣтнаго богослуженія въ эпоху Судей (191—198). Внѣшняя политическая жизнь евреевъ: порабоженіе отъ арамеевъ, хананеевъ, моавитянъ, мадианитянъ, аммонитянъ и филистимлянъ (198—203). Судьи, какъ спасители народа; ихъ отличіе отъ суффетовъ, число и перечень (203—206). Исторія замѣчательнѣйшихъ судей: Аода (206—208); Гедеона (208—217); Іефая (217—220) и Самсона (220—231). Мифологическое объясненіе личности и исторіи Самсона (231—238). Пророки и пророческія школы въ эпоху Судей (238—243).

ГЛАВА ПЯТАЯ. Общій очеркъ эпохи Судей въ политическомъ и религіозно-нравственномъ отношеніи (244—245). Значеніе событій этой эпохи для самаго еврейскаго народа, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи ветхозавѣтнаго монотеизма (246—251). Основныя черты еврейскаго характера, наблюдаемыя въ жизни евреевъ въ эпоху Судей (251—254).

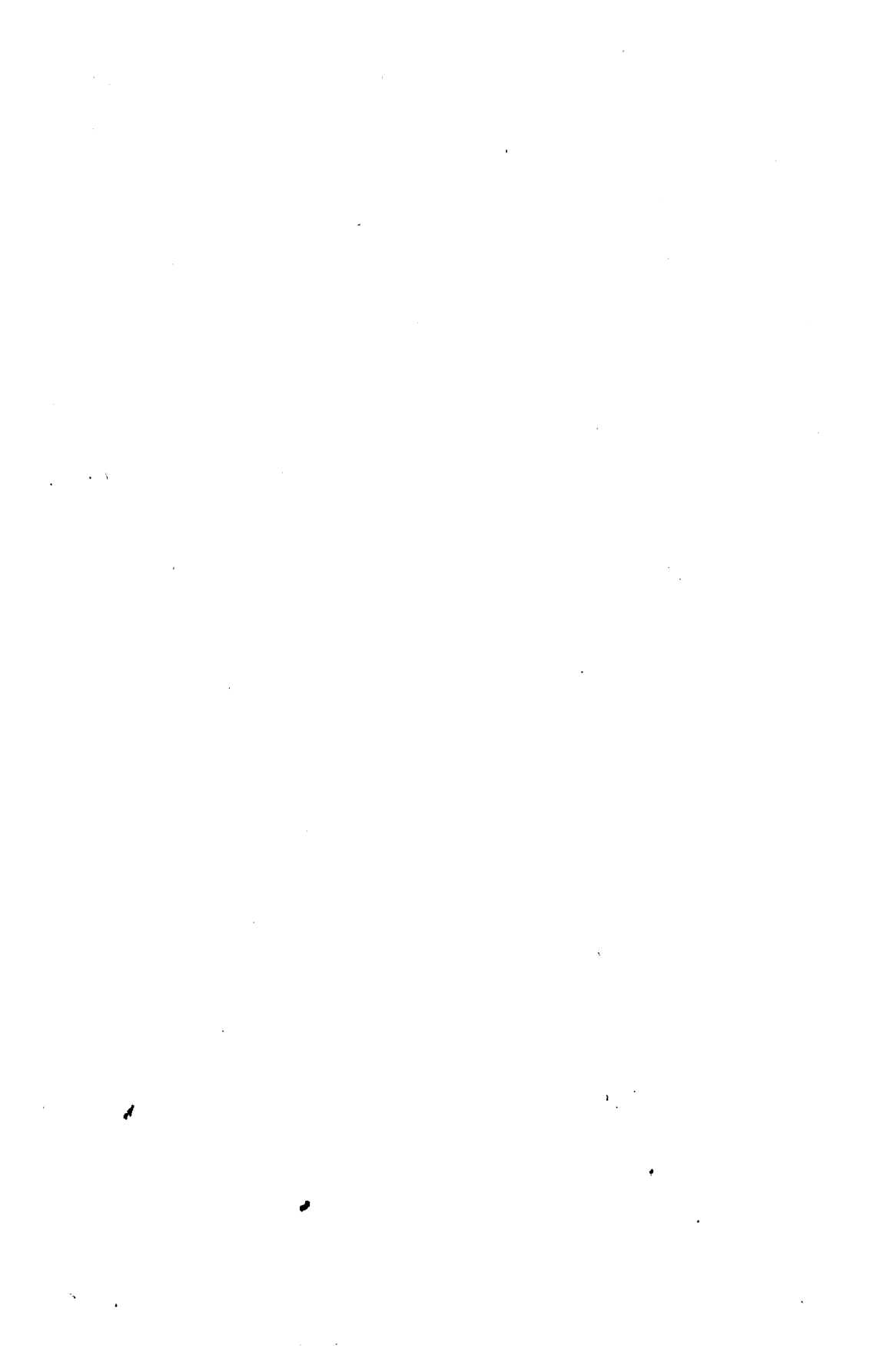
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Хронологія времени Судей (254—271).

Обзоръ источниковъ и пособій (271—272).



ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
9	6 снизу	Испандъ	Испандъ
13	11 сл. примѣч.	ברך	ברך
16	2 „ „	Anfl.	Auf.
20	5 „ „	1.000	1. 100
35	въ 4 примѣч. въ словахъ	פלשחים	нужно поставить конечное мемъ.
44	въ 1 примѣч. въ словѣ	פראים	нужно поставить конечное мемъ.
61	3 сл. примѣч.	Раснеса	Раскенена
65	3 „ „	II e III	II. und. III.
77	7 сверху	Хмунготена	Хмунготена
—	8 „	Узартасела	Узартасена
79	5 „	Экиаѳъ	Экиаѳъ
81	9 сл.	Толемъ	Тилемъ
91	11 сл.	изображенія	изобрѣтенія
101	2 сл. прим.	emander	einander
108	12 сл.	Аната	Анута
108	1 сл.	י)	י)
—	18 „	εαλοσα	εαλοσα
—	2 сл. прим.	st pes	stipes
110	2 сл. прим.	μονογενῆ	μονογενῆ
113	11 сл.	носящее	носящая
119	3 сл. примѣч	לחניה ולבעל	לחניה ולבעל
128	1 сл.	карина	Кирина
129	3 сл. прим.	בקר	בקר
143	2 „ „	die Ssab.	der Ssab.
152	21 сл.	терпѣли	терпѣли
178	15 „	ихъ	нихъ.



ВВЕДЕНИЕ.

Значеніе эпохи судей, какъ предмета научнаго изслѣдованія.

Время судей обнимаетъ собой періодъ еврейской исторіи отъ смерти Іисуса Навина и современныхъ ему старѣйшинъ до перваго еврейскаго царя (Суд. II, 7—16. Дѣян. XIII, 20). Не случайно мы взяли эту часть еврейской исторіи для своего изслѣдованія. Она остановила на себѣ наше вниманіе по тому глубокому интересу, какой представляетъ какъ для историка, такъ и для богослова. По своему характеру это есть переходное время еврейской исторіи, когда еврейскій народъ переходилъ изъ одного фазиса развитія въ другой во всѣхъ сферахъ своей жизни — общественной, религіозной и государственной. Такія переходныя эпохи особенно интересны для историческаго изслѣдованія. Въ это-то именно время скорѣе всего можно подмѣтить особенности и стремленія извѣстнаго народа, разобратъ тѣ элементы, изъ которыхъ складывается его жизнь, которые при всеобщемъ броженіи становятся наиболѣе опредѣленными и замѣтными для наблюдателя. Когда народъ получаетъ строго опредѣленную форму своего развитія, тогда уже труднѣе замѣтить дѣйствующія въ немъ силы, — такъ какъ изъ нихъ всегда преобладающее значеніе имѣетъ какая либо одна, которая по преимуществу останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя. Поэтому эпоха, смѣнявшая эпоху судей, не можетъ имѣть такого значенія для точнѣйшаго опредѣленія характера евреевъ, какъ эпоха судей. Не можетъ имѣть такого значенія и эпоха предшествующая. До времени судей жизнь евреевъ направлялась не ихъ внутренней интенціей, а чисто внѣшними условіями. Въ Египтѣ еврейскій народъ не составлялъ

самостоятельной націи, а жилъ подѣ чуждымъ управленіемъ. При Моисей и Исусъ Навинъ онѣ направлялся въ своей жизни энергіей этихъ богодухновенныхъ вождей, которые высоко стояли надѣ пониманіемъ народной массы и мало понимались ею. Точно также пастушескій и странническій образъ жизни евреевъ въ это время много препятствовалъ спокойному развитію ихъ жизни. Совсѣмъ иной оборотъ должно было принять дѣло послѣ того, какъ евреи заняли опредѣленную страну и стали самостоятельной и осѣдлой націей. По смерти Исуса Навина и старѣйшинъ они явились предоставленными самимъ себѣ, и въ это-то время должны были ясно сказаться основныя стремленія ихъ народнаго характера, прежде всего созидающія жизнь. И дѣйствительно, въ эпоху судей сказался характеръ еврейскаго народа со всѣми своими хорошими и дурными чертами. Въ это время происходила борьба между различными стремленіями и наклонностями этого народа, между добрыми и дурными его инстинктами, и еврейскій историкъ не можетъ выбрать лучшей позиціи для наблюденія надѣ характеромъ еврейскаго народа, какъ время этого броженія, этой борьбы. Но помимо своего относительнаго значенія въ примѣненіи къ еврейскому народу, изученіе данной эпохи можетъ приводить къ заключеніямъ, имѣющимъ болѣе широкое значеніе, касающимся человѣческой исторіи вообще. „Борьба вѣры съ невѣріемъ есть основная тема исторіи“, — сказалъ Гете. Эти слова особенно примѣнимы ко взятой нами эпохѣ. Въ это время дѣйствительно столкнулись между собой двѣ великихъ общеисторическихъ струи: вѣра въ личнаго Бога и разумно-свободную человѣческую личность и—невѣріе. Невѣріе имѣло большіе шансы для побѣды, ибо на своей сторонѣ имѣло симпатіи громаднаго большинства и орудіе культуры; но все же вѣра вышла побѣдительницей изъ этой борьбы, и добро восторжествовало надѣ зломъ, разумъ надѣ неразуміемъ. Явленіе—весьма знаменательное для всякаго человѣка, размышляющаго о человѣческой жизни. Въ эту же эпоху намъ приходится наблюдать особенно рельефное проявленіе закона причиннаго соотношенія между нравственно-религіознымъ состояніемъ народа и его внѣшнимъ государственнымъ состояніемъ. Большая часть еврейской массы того времени, подобно современнымъ матеріалистамъ, сводила весь интересъ жизни къ мяснымъ котламъ,

луку и чесноку, вообще къ чувственнымъ наслажденіямъ, и отрицала безусловное значеніе нравственныхъ и религіозныхъ принциповъ. И вотъ, исторія является фактической обличительницей такой философіи. Народъ грубѣетъ и тупѣетъ, его общественныя отношенія разстраиваются, и онъ нѣсколько разъ дѣлается рабомъ сосѣднихъ племенъ. Фактъ—очень знаменательный для всякаго, занимающагося политической экономіей. Далѣе, въ эту же эпоху намъ приходится наблюдать интересный фактъ—нравственнаго самоуправленія народа, степень пригодности или непригодности для народа общиннаго управленія,—приходится наблюдать тотъ интересный фактъ, что самоуправленіе народа возможно только при высокой степени его нравственнаго развитія,—въ противномъ случаѣ народъ ожидаетъ внутреннее раздѣленіе, и единственное спасеніе его въ монархической власти. Все это очень ясно, какъ въ калейдоскопѣ, отражается въ исторіи евреевъ, и все это имѣетъ важное значеніе для исторической науки. Наконецъ, эпоха судей переноситъ нашу мысль къ древнѣйшему времени человѣческой исторіи, ко времени, весьма знаменательному по тому броженію народовъ, которое мы тогда замѣчаемъ въ западной Азіи и Африкѣ, которое выдвинуло на историческую сцену новыя племена и въ частности Палестинѣ дало новую физіогномію. Но если эпоха судей представляетъ такой интересъ въ историческомъ отношеніи, то не меньшій интересъ представляетъ она и въ отношеніи богословскомъ. Тотъ, кто занимался сколько нибудь исторіей религій, знаетъ, какое важное значеніе здѣсь имѣетъ исторія еврейской религіи. Эта религія, понятная съ точки зрѣнія науки, допускающей откровеніе, является камнемъ преткновенія для науки, недопускающей такового. Розенкранцъ, біографъ Гегеля, говоритъ, что эта религія и вообще вся исторія евреевъ, какъ темная загадка, мучила этого гиганта мысли до послѣднихъ дней его жизни и не давала ему покоя ¹⁾, такъ какъ была несогласна съ его законами духовнаго развитія человѣчества. Для тѣхъ изслѣдователей, мировоззрѣніе которыхъ близко къ матеріалистическому, еврейскій монотеизмъ является очень значительной отрицательной инстанціей въ системѣ ихъ выводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣрно

¹⁾ Herzog, Real—Encyclopädie, Volk Gottes B. XVII.

то положеніе, что человѣкъ въ своихъ отправленіяхъ есть продуктъ однихъ матеріальныхъ силъ и вліяній, которыя своими сложными комбинаціями произвели и такъ называемыя духовныя явленія въ его жизни: то должно предположить, что религія человѣчества была первоначально почитаніемъ вышнихъ матеріальныхъ явленій и почитаніемъ также матеріальнымъ, — натурализмъ долженъ былъ лежать въ основаніи религіозныхъ представленій и обрядовъ. Представленія же о какихъ либо сущностяхъ, отличныхъ отъ матеріи, и обязанности относительно ихъ могли явиться лишь съ развитіемъ у людей психологической наблюдательности и логическаго анализа, чего не было у древнихъ людей, ибо ихъ сознаніе всецѣло было обращено къ природѣ и состояніямъ собственнаго организма. Древнѣйшія формы религіи, соотвѣтствуя низкой ступени умственнаго развитія, сопровождающейся недостаткомъ синтеза, должны быть непременно политеистичны. Монотеизмъ же, какъ религіозное воззрѣніе, предполагающее въ значительной степени синтезъ, долженъ былъ явиться въ исторіи гораздо позднѣе фетишизма и политеизма. Вотъ общій законъ религіознаго развитія, указываемый матеріалистической философіей, воззрѣніе которой лежитъ въ основѣ нѣкоторыхъ изслѣдованій о древне-исторической культурѣ и цивилизаціи. Когда стали его примѣнять къ фактамъ, оказалось, что ему противорѣчили священныя книги евреевъ, по свидѣтельству которыхъ монотеизмъ существовалъ въ исторіи евреевъ въ самую древнюю эпоху, когда человѣчество, по мнѣнію ученыхъ матеріалистовъ, находилось на ступени фетишизма или отчасти политеизма. Для того, чтобы избѣгнуть этого противорѣчія, матеріалистической школѣ нужно было или отвергнуть самый фактъ въ его непосредственно прямомъ смыслѣ, не отвергая достовѣрности историческихъ памятниковъ, или же принять фактъ, но отвергнуть его древность, а вмѣстѣ съ этимъ и достовѣрность историческихъ свидѣтельствъ. Въ исторіи литературы по этому вопросу видимъ попытки того и другаго рода. Одни ¹⁾ объясняютъ еврейскій моноизмъ изъ особенностей страны, гдѣ жили евреи, и

¹⁾ Фейербахъ: *Das Wesen des Christentums* S. 160 — 165 Ренавъ. L'histoire générale et le système comparé des langues sémitiques. Праг: Semiten und Indogermanen in ihrer Beziehung zur Religion und Wissenschaft.

ихъ натуры, а другіе ¹⁾ происхожденіе еврейскаго монотеизма относить къ позднѣйшему времени еврейской исторіи, и отвергаютъ достовѣрность библейскаго преданія. Для ученыхъ того и другаго рода эпоха судей является заслуживающей особеннаго вниманія. Если вѣрно положеніе Ренана, что „самая природа страны воспитывала въ евреяхъ и развивала монотеистическія понятія“ ²⁾, и если дѣйствительно евреи, будучи сухими эгоистами, какъ говоритъ Фейербахъ, по самой природѣ склонны къ еднобожію ³⁾: то становится непонятнымъ увлеченіе евреевъ многобожіемъ во время судей, и вообще религиозное состояніе евреевъ въ эту эпоху прямо противорѣчитъ взгляду Фейербаха и Ренана. Напротивъ, если еврейскій монотеизмъ есть явленіе позднѣйшее, то идолопоклонство евреевъ въ эпоху судей становится фактомъ не только понятнымъ, но даже необходимымъ, и эта эпоха является въ данномъ случаѣ однимъ изъ доказательствъ противъ первоначальности монотеизма. Какъ видимъ, для того и другаго рода мыслителей эпоха судей является одной изъ важныхъ инстанцій въ доказательствахъ ихъ положеній, въ одномъ случаѣ—отрицательной, въ другомъ — положительной. Отсюда должно быть понятно, почему у современныхъ экзегетовъ и богослововъ эта эпоха получила особенный интересъ. Съ тѣмъ или инымъ взглядомъ на нее связывается то или иное рѣшеніе вопроса о происхожденіи Моисеева законодательства и монотеизма, а далѣе—рѣшеніе вопроса о возникновеніи и развитіи религіи вообще.

Источники для изученія эпохи Судей; ихъ достовѣрность.

Прежде, чѣмъ строить зданіе, нужно приготовить матеріалъ. Точно также и намъ: прежде, чѣмъ дѣлать какія либо сужденія объ эпохѣ судей, нужно найти такіа историческія данныя, на основаніи которыхъ можно было бы составить то или иное сужденіе,—нужно найти такіа свидѣтельства, на достовѣрность которыхъ можно было бы вполне положиться: это тѣмъ болѣе важно, что вопросъ о характерѣ и достовѣрности

¹⁾ Галле, Конради, Фатеръ (Commentar über das Penteteuch), Де-Ветте (Beiträge zur Einleitung in das Alte Testament), Блехъ и особенно Ватке.

²⁾ Renan, L'histoire generale etc. T. I, p. 5 et 6.

³⁾ Feuerb. Das Wes. Christ. 165.

представляющихся въ данномъ случаѣ историческихъ свидѣтельствъ рѣшается различнымъ образомъ.

Большое преимущество имѣетъ естественно-научное познание передъ познаніемъ историческимъ, какъ относительно матеріала для составленія сужденій, такъ и относительно метода провѣрки оныхъ. Изучающій явленія природы наблюдаетъ ихъ непосредственно самъ. Онъ можетъ провѣрять свое или чужое сужденіе объ извѣстномъ явленіи посредствомъ новаго наблюденія или опыта. Не то въ наукахъ историческихъ. Здѣсь свое личное наблюденіе, личный опытъ имѣютъ мало значенія. Все основывается на исторической вѣрѣ, на довѣріи къ свидѣтельству другаго лица или какого-либо историческаго памятника. Историкъ самъ не можетъ непосредственно наблюдать, тѣмъ болѣе воспроизводить въ опытѣ—историческихъ явленій. Конечно, движеніе исторіи болѣе или менѣе однообразно, такъ что въ современной жизни можно наблюдать явленія, аналогичныя прошедшимъ; но это все же не можетъ уполномочить выводы, дѣлаемые относительно явленій жизни современной, переносить на явленія давно минувшихъ дней, хотя бы и подобныхъ современнымъ. Отсюда должно быть понятно, почему въ историческихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ можетъ быть гораздо больше субъективности, чѣмъ въ изслѣдованіяхъ и выводахъ естественно-научныхъ. При отсутствіи опытныхъ данныхъ для провѣрки сужденій, лица съ разными направленіями могутъ приходить къ неодинаковымъ выводамъ какъ относительно историческихъ событій, такъ и относительно характера и достовѣрности данныхъ историческихъ памятниковъ. Очевидно, для того, чтобы найти прочную почву для своихъ историческихъ заключеній, нужно прежде всего установить прочный, по возможности объективный, взглядъ на характеръ и степень достовѣрности памятниковъ. Таковыми въ данномъ случаѣ служатъ: книга Судей, Руѣ, 1 книги Царствъ главы 1—7 и Древности іудейскія, Іосифа Флавія, преимущественно кн. V. Что касается исторіи Флавія, то она, по своему содержанію, воспроизводитъ свидѣтельства Библии,—только въ формѣ стройнаго историческаго разсказа, съ нѣкоторыми добавленіями и необходимыми для читателей римлянъ объясненіями, но чего либо новаго противъ Библии не представляетъ. Поэтому важность и достовѣрность ея свидѣтельствъ обусловливаются важ-

ностью и достоверностью тѣхъ библейскихъ книгъ, содержаніе которыхъ въ ней излагается и на которыя поэтому и слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе. Рѣшеніе вопроса о достоверности содержанія ихъ много зависитъ отъ рѣшенія другаго вопроса о происхожденіи и сохраненіи преданія у евреевъ и о тѣхъ психологическихъ и историческихъ апперцепціяхъ, которыми обуславливалось сохраненіе преданія въ чистомъ и полномъ видѣ.

Въ жизни отдѣльнаго человѣка ни одинъ фактъ не проходитъ незамѣченнымъ, онъ непремѣнно оставляетъ послѣ себя болѣе или менѣе глубокій отпечатокъ въ памяти человѣка и запоминается имъ. Точно также и въ жизни цѣлаго общества или народа всякое событіе запоминается съ большей или меньшей прочностью. Зеркало народной души ясно и правильно отражаетъ въ себѣ наиболѣе важныя событія исторической жизни, и отъ характера событія, его связи съ сущностью народнаго типа и вліянія на народную жизнь съ одной стороны, отъ степени впечатлительности современниковъ, очевидцевъ его—съ другой зависитъ степень ясности и отчетливости отраженія его въ народной памяти. Чѣмъ выше самосознаніе народа, чѣмъ богаче содержаніе его исторической жизни, тѣмъ разнообразнѣе и богаче его историческія воспоминанія. Эти воспоминанія составляютъ самое драгоцѣнное сокровище въ жизни народа: они возносятъ его духъ въ созерцанію историческихъ цѣлей и идеаловъ, и составляютъ въ его жизни направляющее и воодушевляющее начало. Какъ таковыя, они живутъ глубоко въ душѣ народа и точно воспроизводятся его памятью. Бываютъ нѣкоторыя излишнія наслоенія и поврежденія въ этихъ воспоминаніяхъ, но они никогда не касаются сущности ихъ содержанія: послѣдняя всегда неизмѣнна. Точно также детали событій иногда исчезаютъ въ народной памяти, но общій образъ ихъ твердо хранится въ ней. Такіе образы соединяются въ народномъ сознаніи въ одну перспективу, въ которой отражается все прошлое народа. Эта перспектива составляетъ живую и вѣчную исторію и пропадаетъ лишь со смертію извѣстной націи или съ измѣной ея своему историческому прошлому. Въ подтвержденіе своихъ общихъ разсужденій мы можемъ сослаться на свою русскую исторію. Прочно и глубоко лежитъ она въ душѣ русскаго народа. Ни одно

важное событіе, ни одна эпоха, ни одна крупная историческая личность не прошли незамѣченными народнымъ сознаніемъ. Разказы о народныхъ герояхъ, гонителяхъ и печальникахъ народа, народномъ горѣ и счастьѣ передаются изъ рода въ родъ, отъ родителей къ дѣтямъ и твердо хранятся потомствомъ. Всѣ наши русскія былины, сказки, легенды, пѣсни, пословицы и прочія произведенія, отражающія въ себѣ стремленія и духовный образъ русскаго человѣка, сохранились въ богатой памяти народа и записаны учеными со словъ крестьянъ. Въ этой же средѣ можно найти полные разказы о Владимірѣ—Красномъ Солнышкѣ, Ярославѣ Мудромъ, татарахъ и Дмитріѣ Донскомъ, Дмитріѣ Шемякѣ, Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, самозванцахъ и самозванческихъ смутахъ, Алексѣѣ Михайловичѣ и Никонѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ, Биронѣ, Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Александрѣ Благословенномъ и Наполеонѣ. О событіяхъ почти современныхъ намъ, какъ напримѣръ при Николаѣ I и Александрѣ II, конечно не можетъ быть и рѣчи. Кромѣ разказовъ о событіяхъ и герояхъ, имѣвшихъ отношеніе ко всей русской землѣ, въ отдѣльных мѣстностяхъ Россіи можно встрѣтить различные разказы о событіяхъ, касавшихся того или другаго края. Въ Малороссіи вы встрѣтите разказы о казакахъ, шляхтѣ польской, войнахъ съ турками и Польшей, о гетманахъ — Остраницѣ, Мазепѣ, Богданѣ Хмельницкомъ; въ Новгородѣ — о его торговлѣ и когда-то цвѣтущемъ состояніи, разказы объ Антоніи Римлянинѣ, епископѣ св. Іоаннѣ, Мстиславѣ Удаломъ, Александрѣ Невскомъ, паденіи и погромѣ Новгорода. Пойдите въ Соловецкій монастырь, здѣсь встрѣтите разказы объ основателяхъ этой обители, о милостяхъ къ ней царей русскихъ, о Филиппѣ, впослѣдствіи митрополитѣ московскомъ, о бунтѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ и проч. Зайдите въ поморскіе скиты раскольниковъ, здѣсь встрѣтите разскащиковъ, которые передадутъ всю исторію раскола. Спуститесь въ приволжскія губерніи, здѣсь найдете еще живыя воспоминанія о Степанѣ Разинѣ, Емельянѣ Пугачевѣ. Эти воспоминанія и разказы, хранящіеся въ народной памяти, съ одной стороны служатъ важнымъ источникомъ для исторической науки, а съ другой составляютъ критерій для оцѣнки выводовъ ея. Можно обмануть общество ученыхъ, склонить его къ принятію того или

инаго сужденія; но трудно обмануть народную душу и чувство: они строгіе и неподкупные судьи исторических лиц и событий.

Изъ всѣхъ историческихъ народовъ ни у одного историческія преданія не восходятъ въ такую даль и ни у одного они не сохранились съ такой подробностію и въ такой чистотѣ, какъ это находимъ у евреевъ. Этому прежде всего благопріятствовали психологическія особенности, отличающія евреевъ, какъ семитовъ, особенное значеніе въ ихъ жизни историческаго преданія и небольшая сфера распространенія его. Замѣчено, что всѣ вообще восточные люди имѣютъ хорошую память, а евреи—въ особенности. Чѣмъ это объясняется, сказать трудно. По всему вѣроятію, здѣсь имѣетъ главное значеніе впечатлительность и крѣпость нервной системы, хорошо извѣстныя всякому, сколько нибудь знакомому съ евреями, и преобладаніе въ духовной жизни восточныхъ людей преимущественно интуитивной стороны, которая необходимо вырабатываетъ очень длинный и крѣпкій рядъ самыхъ разнообразныхъ представленій и понятій. Память евреевъ и вообще семитовъ поразительна. Еврейскіе ученые первыхъ вѣковъ по Р. Хр. знали наизусть всю литературу преданія, такъ какъ Мишна, всѣ многочисленныя прибавленія къ ней и весь обширный Талмудъ были записаны весьма долго спустя послѣ того, какъ образовалось ихъ содержаніе. До этого времени все выучивалось и читалось съ учениками наизусть. Между арабами были лица, знавшія наизусть болѣе 20,000 стиховъ, которыя при томъ всегда могли назвать, хотя и не всегда, конечно, вѣрно, автора каждаго стиха и племя, къ которому онъ принадлежалъ, а равно и передававшихъ эти стихи. Между ними же были учителя преданій—мухаммеды, знавшіе наизусть до 20,000 такихъ преданій и притомъ испандъ каждаго изъ нихъ, т. е. всю цѣпь лицъ, передававшихъ это преданіе, начиная съ современниковъ и до Магомета. Были генеалоги, знавшіе генеалогію множества арабскихъ племенъ и перечислявшіе, такъ сказать, по пальцамъ генеалогіи сотни родовъ ¹⁾. Сравнительно съ такою памятью, память Кира и Цезаря, знавшихъ

¹⁾ См. Д. А. Хвольсонъ, *Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ переводовъ его, по отношенію ихъ къ подлиннику и между собой.* Христ. Чтеніе, 1874, Апр. 534—535.